

МЕРАЙЛИ

ПРОЗАИЗМЫ

1980 ... 2011

© Мерайли, 1980–2011

© Иванов П. Б., верстка и оформление. 2011

© Ольга Романова, графика титульного листа. 2005

<http://unism.narod.ru/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.org/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.net/mer/index.htm>

- © Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

Идея

Идеи обладают свойством появляться и исчезать.

Олег Нечаев

Этот Ученый ничем не отличался от десятков своих посредственных коллег: такие же мелкие работы, дожевывающие и без того потрепанную тему, навязчивая апатия: "Американцы все равно раньше..." — те же бессильные мечты о чем-то "настоящем", и ревнивое желание казаться авторитетом хоть где-нибудь. День изо дня возился он допоздна со всякими заковыками в однообразных плановых расчетах — а его откровенно холостяцкая квартира все больше походила на камеру в давно заброшенной тюрьме. Каждый вечер он отчаивался, разочаровывался в жизни и в себе, бросал все к дьяволу, давал зарок уйти шабашить в захолустнейшую артель — но следующее утро повторяло сотни и сотни других.

И шло бы так до самой пенсии, если бы однажды не случилось Нечто, от которого вдруг меняется мир, и нет больше привычной колеи, и будущее — как чистый лист.

Началось обыкновенно: кто-то позвонил у входа. Нехотя оторвался Ученый от очередного зловредного интеграла и направился к двери, на ходу соображая, какой черт посмел оторвать его от дела и что бы эдакое с ним сотворить, дабы сразу отшибло вредную привычку мешать людям работать... С нескрываемой злостью распахнул он дверь — и остолбенел.

Это была Идея. Никаких сомнений. Она источала какое-то неизъяснимо сладкое сияние, сковывала — и в тоже время побуждала к действию.

Идея улыбнулась — и вошла. Ученый, спотыкаясь, поплелся за ней. Он ужасно растерялся — ему никогда раньше не приходилось сталкиваться с Идеей вот так, глаза в глаза; он

просто не знал, как себя вести.

Часы, наполненные первым ее появлением, пролетели так быстро... Ученый просто не замечал, что делал, что говорил. Только одно воспоминание звенело в груди: это прекрасно, это... это... Но язык, приученный к мертвому слогу статей и докладов, не находил нужных слов. А наутро Ученый, конечно же, получил от начальства все, что ему причиталось за так и оставшиеся неоконченными расчеты.

Но Идея стала приходить все чаще и чаще, а вскоре совсем поселилась в квартире, принеся с собой домашний уют и порядок. Непонятным образом и на работе у Ученого сложилось вдруг хорошо и легко: больше не надо было корпеть над рутинными расчетами и второстепенными деталями, стали не нужны скользкие фразы введений и заключений, не приходилось оправдываться перед собой и научной общественностью, указывая на микроскопические новообразования по сравнению с предшественниками... Как-то все выходило само собой, а что не получалось — дорабатывали многочисленные ученики.

Годы пролетали неуловимо, как прекрасный сон. Где теперь тот взъерошенный, полусмешной, неповоротливый салажонок? Не осталось и следа. Вместо него — почтенный, вполне солидный человек, у которого много лет как за плечами защита докторской, своя лаборатория, десятки исколесенных стран, горы бумаги, испещренной символами, приводящими в благоговейный трепет сердца корифеев науки, — и учебники, наводящие ужас на бедных студентов, каждую сессию дополняющих отборные физико-математические ругательства выражениями отнюдь не математическими. Ученый обрел Имя — веское, значительное, с почтительным прибавлением: тот самый...

Когда Ученому дали институт, времени на науку уже не оставалось. Да он и не жалел об этом, с головой окунувшись в новые, распухающие от собственной важности дела. Ну конечно, кто же как не признанный авторитет способен должным образом воздействовать на отдельных малосознательных товарищей, которые тормозят развитие отечественной науки бесконечными срывами поставок, зажиманием фондов, бюрократическими проволочками, ужасающей неорганизованностью и, наконец,

просто безалаберностью и халтурщиной? И Ученый доставал, пробивал, согласовывал, организовывал, направлял, ставил на вид, утверждал и упразднял — и еще много-много другого, не менее срочного и необходимого. Все правильно, все своим порядком.

Но все ли? Почему-то дома стало не так — не ладилось, не клеивалось. Мелкие размолвки, долгие обиды... Всегда на бегу, всегда в потоке дел, он не придавал этому большого значения, думал: пройдет, утрясется, нормализуется. Успех и удача вошли в привычку.

А идеи требуют постоянного внимания. Ведь, честно говоря, они и есть его плод. Забудьте об Идее на миг — и вы уже будете забывать на дни. Забыв на день — забудете на месяц. А из месяцев складываются годы, из которых в конце концов получается жизнь. Какая? Кто знает. Только ведь всем в юности хочется, чтобы она стала красивой, яркой, насыщенной — это самая главная и самая трудная идея. Попробуйте сохранить ее до конца. Увы, далеко не каждому удается...

В то утро не было ни землетрясения, ни наводнения, даже солнечного затмения — и того не было. Однако что-то давило, тянуло к земле, тяжестью ложилось на сердце. И неотвязное ощущение, будто что-то не так, чего-то упорно не хватает. Рассеянно Ученый оглянулся по сторонам: все на своих местах, как день, месяц, год назад. Откуда же тогда это чувство утраты очень важного, может быть, самого важного в судьбе?

День прошел по инерции — вяло, скомканно. Ученый машинально подписывал бумаги, здоровался со знакомыми, занимался со студентами и аспирантами, давал нагоняй какому-то растяпе, пустившему дела в лаборатории на самотек... И постоянно вслушивался в себя, пытаюсь понять: что произошло? С трудом дотянул он до конца рабочего дня, добрался домой и устало опустился на стул посреди комнаты...

И вдруг — он понял. Ушла Идея. Не сказала, почему, куда, надолго ли... Ушла — и все. Внезапно стало пусто и тихо, только часы негромко отстукивали мгновения, уносящие с собой память о том, что так дорого и так нужно. А на голове лежал и не таял белый снег седины. Потраченные десятилетия отзывались болью

в груди и отчетливым сознанием, что не так жил, не тем занимался, не о том думал, не то любил. И теперь... теперь не на что было опереться, нечем заслонить ту бездонную пропасть, из которой никто никогда не возвращается.

А где-то в неудобной квартире другого Ученого звенел звонок, и, нехотя оторвавшись от расчетов, тот брел к двери, мысленно проклиная все, что скрывается за ней...

Жизнь продолжается.

1980 ... 1983

Пик

Полдень.

На проезжей части лежит окурок.

Я стою на остановке и смотрю на него.

Людей много, но они не смотрят на окурок.

Подъезжает автобус. Толстый мужчина в чистом пальто пытается ухватиться за кого-нибудь из тех, кто уже внутри. На пальто появляются четыре небольших пятна. Высокий парень в оранжевой куртке уперся плечом в спину старушки с тяжелой хозяйственной сумкой. Интеллигентная дама на верхней ступеньке беззвучно открывает и закрывает рот. Когда оранжевая куртка скрывается за дверью автобуса, толстый мужчина принимается размазывать пятна рукавом пальто. Автобус уходит.

Окурка на мостовой уже нет.

Я прошу у соседа окурок, иду прямо по проезжей части и кладу его на прежнее место, после чего медленно возвращаюсь обратно.

Люди на остановке молча смотрят в мою сторону.

Оглядываюсь.

На мостовой лежит окурок.

Полдень.

1984 (?)

Толстый и Тонкий

Толстый: — Ты?
Тонкий: — Ты?
Тол.: — Ну дела!
Тон.: — Ну, дела...
Тол.: — Как жизнь?
Тон.: — Как жизнь.
Тол.: — Жена, дети?
Тон.: — Жена-дети.
Тол.: — А настроение?
Тон.: — А, настроение!..
Тол.: — Жилье есть?
Тон.: — Жилье есть...
Тол.: — Но не очень.
Тон.: — Но не очень.
Тол.: — С деньгами туго?
Тон.: — С деньгами туго.
Тол.: — Подзаработать не против?
Тон.: — Подзаработать не против.
Тол.: — Без дураков?
Тон.: — Без дураков.
Тол.: — 100 зеленых.
Тон.: — 100 зеленых?..
Тол.: — В неделю.
Тон.: — В неделю?!
Тол.: — Годится?
Тон.: — Годится!
Тол.: — По рукам?
Тон.: — По рукам!
Тол.: — Ну, пока!
Тон.: — Ну, пока!

1992 (?)

Испытание

Э-э, юнга! Думаешь, совсем боцман Фетюшонок с ума спятил на старости лет? Да ты драй, драй палубу-то — говорить я буду.

Конечно, на судне такого класса, как наша «Малышка», есть занятия и повеселее, чем соблюдение чистоты и порядка по всему объему. Что говорить, в молодости всем не терпится дорваться до штурманской рубки — или, на худой конец, поковыряться в двигателе. Не спеши, юнга, — еще надоест до конца рейса. А что до порядка — это, я тебе скажу, отнюдь не стариковская блажь. Работа у нас того требует. Слыхал, небось, о бродяге Джо? Ну да, тот самый, что сейчас долечивается на Гавайях, — газеты про него много шумели. Журналист-то, он приврать не дурак — и, по-ихнему, Джо, выходит, нечто вроде супермена галактического масштаба. Впрочем, справедливости ради, не все в прессе его по головке гладили... Разобраться что к чему стороннему человеку трудно — но я эту историю не понаслышке знаю. Я ведь был тогда на «Стрекозе», с Джо Стэффордом, в последнем для них обоих рейсе...

Ну, что ты строишь удивленные глаза? Что особенного? Лучше растирай мастику поровнее, да мягче веди — прибор сломаешь!

Так что, уж кто-кто, а я знаю досконально, что там из-за чего произошло. С той поры и голова у меня вся седая. Народ из Специальной Комиссии, понятное дело, отнесся с подозрением — они с Джо одним миром мазаны! Но я-то чую, что есть у них кадры, которые до сих пор сидят подальше от света, да проверяют каждое ударение в каждом отчете. В конце концов, они отвечают за безопасность полетов — и не в их интересах оставлять какие бы то ни было неувязки. Рассказать, говоришь? Ну что же, рассказа как раз на этот трюм хватит...

«Стрекоза» была четвертым судном с гиперсветовой установкой на борту. Первые два шли на автоматах — и возвращались штатно, ни на микрон не сбившись с запрограммированного маршрута. Третий корабль вернулся, так и не выполнив скачка, — команда заметила подозрительные сбои бортового компьютера при подходе к барьеру. Поэтому «Стрекоза» уходила тихо, даже в Штатах промелькнуло лишь короткое сообщение в прессе. Понятно, что состав на судне был достаточно пестрый, — ох уж эти мне совместные программы! Ну, что касается француза бортпрограммиста и медика болгарина, с ними все было в порядке. От нас шли двое: капитан Пешков, да я, по хозяйственной части. Американцев тоже дали двоих. Один — физик гиперсветовик, как водится, китайского происхождения. Он-то с самого начала числился в команде, так что притирались обычным образом, на Земле. А вот со вторым американцем накладка вышла. Что там у них произошло с первоначальными кандидатами, одному аллаху известно, — но, по политическим соображениям, «чтобы не нарушать равновесия», а также чтобы не отменять старт, который уже съел немалые миллионы, после долгих переговоров, подсунули нам Джо Стэффорда.

По всем стандартам, такой человек, как Джо, никак не мог попасть в группу подготовки астронавтов, а уж тем более, в экспериментальный рейс. Говорят, у него была сильная лапа в канцелярии президента и в госдепартаменте — и какие-то разборки с приятелями, из-за которых ему позарез надо было учудить нечто необыкновенное, вроде полета на гиперсвете. Специальностью он был астрофизик, а в жизни — среднее между творцом теории относительности и Великим Комбинатором. Характер у него, по большому счету, был ничего себе, тихий. Одна только неприятность — неряшлив до одури. Трюмная вахта с ним превращалась просто в ад, а о собственной его каюте и говорить нечего. Поначалу просили его быть поаккуратнее, чтобы в критический момент не искать нужное позарез оборудование по всем отсекам, и не восстанавливать каждый раз порядок кассет в полетном архиве. Бесплезно. Не то, чтобы это намеренно как-нибудь, по злобе или что... Просто воспитание

такое: до других дела нет. Как там у него: hell, it ain't no damn business of yours! — и в том же духе. Любое замечание капитана Джо сразу стал воспринимать как очередную провокацию русских — да и с другими лялся не меньше. В конце концов, в случае чего, предпочитали не связываться и молча терпели — только бы не портить настроение команде.

Худо-бедно, к восьмому месяцу вышли на простор и запустили цикл подготовки к прыжку. При хорошем раскладе, еще через два месяца должны были вплотную подойти к барьеру... Что зубы-то скалишь, юнга! Сроки не мы придумывали, на то головы поумнее нас вместе взятых. А там очень скоро стало не до юмора. Невесомость, скажу я вам, это еще ничего. Бывало, люди годами болтались без ускорения — и никаких трагических осложнений. Тренажеры, спецодежда, спецпитание — короче, есть способы бороться. Иное дело — два месяца перегрузки. От нее, окаянной, никуда не сбежишь, ничем не компенсируешь. Уже через две недели не то что двигаться — дышать не хочется, мысли вырастают в каких-то допотопных ящеров, медленно втаптывающих тебя в переборки...

Полируй пластик, юнга, — чтобы отражение можно было в микроскоп разглядывать!

Джо, легко догадаться, сломался в первую же неделю. Просто заперся в каюте, не реагируя на сигналы, и целыми сутками валялся в амортизаторе. Под конец доктору пришлось приставить к нему робота-няньку и наладить искусственное питание. Тогда еще не умели как следует выводить людей из анабиоза — приходилось бодрствовать. Впрочем, в экспериментальном рейсе просто глупо замораживать людей в самый интересный для исследования период — разве только ЧП произойдет. Работы у всех было в те дни сумасшедшее количество — да только попробуй, оторви от нее, когда человек всю жизнь мечтал о таких возможностях, когда новое навалилось сплошным потоком, и самое обыденное событие на его фоне выглядело чудом... Эх, да что говорить!.. Незабываемое времечко. Но порядок на судне блюли. Вахты шли, как обычно, хотя, сам понимаешь, драить палубу в перегрузку — это не коктейль в баре пропустить. Конечно, техника там была самая-

самая, не чета «Малышке», — только легче не было. И лишь в каюте Джо царил перевозанный хаос. Никто туда, по молчаливому уговору, не заходил, разговаривать тоже избегали.

За неделю до скачка Клод — это наш программист, он тогда стоял вахту в центральной, — так вот, Клод заметил ни с чем не связанные провалы в системном журнале бортового компьютера. Капитан собрал всех в рубке, стали думать. В конце концов решение было принято: подойти как можно ближе к скачку и, если сбой повторятся, начать торможение. Ну а так как я отвечал на судне за материальную часть, именно мне с Клодом пришлось заняться выяснением причин нестабильностей в вычислителе. До сих пор удивляюсь, как это мы додумались до квантовых флуктуаций? Сейчас-то каждый курсант знает о квантовых микроскачках вблизи барьера: дело-то ведь почти очевидное — туннельный эффект. А мы тогда два дня перебирали панели и не могли взять в толк, почему на стенде все работало штатно, а в блоке начинало творить чудеса. Зато потом нашему гиперсветовику пришлось немало попотеть, чтобы за оставшийся срок соорудить хоть минимум теории и понять, что практически никаких изменений в программе не потребуется... Одним национальным усердием тут не обойтись!

Так и получилось, что мы стали первыми людьми, совершившими гиперсветовой скачок. И пока последними — Спецкомиссия закрыла пилотируемые скачки до окончательного выяснения обстоятельств... Они даже не рискнули поверить в реальность нашего пребывания Там. Ну, за славой никто из нас никогда не гнался, — хотя Лю все-таки получил Нобелевскую премию за теорию предпороговых флуктуаций; как истинный джентльмен, он устроил всей команде — кроме Джо, разумеется, — блестящий сезон на Фиджи...

Спрашиваешь, как оно было Там? А можешь ты, юнга, вообразить, что тебе приставили три головы, соединили желудок с легкими — и после этого вывернули наизнанку? Слабо? Тот... Человек может описать все — если оно хоть сколько-нибудь похоже на что-то ему известное. Все наши понятия, в сущности, представляют собой выделение общеизвестного из сутолоки единичных вещей. Когда же люди приходят в столкновение с

принципиально новым миром, процесс познания начинается практически с нуля. Сначала — действия, за ними образы, представления, и лишь после этого — слова и понятия. Алисе в Зазеркалье было куда проще, однако же и там не обошлось без словотворчества. Когда-нибудь люди придумают подходящие названия для гиперсветовой реальности — но лишь после того, как многие ощутят ее сами.

По крайней мере, ясно, что тело конечного объема почти всегда будет занимать ограниченную область в пространственно развернутом времени. Нынешняя молодежь изучает основы комплементарной физики на старших курсах университетов и лучше меня может растолковать связь организации тел с траекториями по ту сторону барьера и технику проецирования на пространственную ось для возвращения обратно в нужной точке обычного, трехмерного пространства. Автоматы давным-давно проделывают такие трюки — и к этому уже привыкли. А нам не повезло. Легко догадаться, почему: каюта Джо Стэффорда. Я уж не говорю о том, что она расплылась Там на все три стороны просто до неприличия — самое неприятное, что траектория у Джо получилась крайне причудливая, и уж никак не по пути с кораблем. Короче, когда через положенные тридцать секунд компьютер выбросил нас обратно в полумиллионе километров от расчетной точки, Джо с нами не было. Разумеется, все каюты герметичны и обладают немалой автономией, — так что особого вреда ни «Стрекозе», ни Джо приключиться не могло. Нам на судне ничего не оставалось, кроме как заканчивать программу и спускаться на Землю — прямо в руки Специальной Комиссии по Расследованию. А вот Джо остался один на один с абсолютно неведомым миром: без связи, без вычислителя, без мощных силовых установок. Немудрено, что теперь им занимаются психиатры!

Все, говоришь? Ну-ка, посмотрим... Действительно все. Однако, умеешь! Ладно, перекур до конца рассказа. На чем это я остановился? Ах да!..

Долго ли, коротко ли мотался Джо по ту сторону светового барьера — про то нам не ведомо. Только через пятнадцать лет обнаружили его где-то в районе Проксимы Центавра — в каюте,

с почти нетронутым аварийным запасом и с дикими, блуждающими глазами. Ничего кроме бессвязного лепета и совершенно неопишуемых цветных пятен на гипнограмме от него добиться не смогли. Были попытки приписать нам «оставление в опасности» — да только как подошьешь к делу, что найден был Джо по другую сторону от Солнечной системы, с вектором скорости от Солнца? Никакой релятивизм не развернет каюту без двигателя на 180 градусов, когда она удаляется лишь на десяток процентов медленнее света. Опять же, пройди он мимо Солнечной системы — окраинные посты наверняка бы засекли. Концы никак не хотели сходиться с концами, вплоть до столь нашумевшего сообщения от «духов»... Я всегда считал довольно пошлым такое название для обитателей «той стороны», однако другого теперь уже, видимо, не будет... Вот и стал Джо Стэффорд первопроходцем-гиперсветовиком, по случайности открывшим людям путь к самым дальним уголкам Вселенной, а заодно и установившим первый контакт с внеземной — и даже вне-Вселенской — цивилизацией. Впрочем, контакт состоялся гораздо раньше: «духи» ведь зарегистрировали уже первые, беспилотные скачки — и подумывали об организации связи. Надо отдать им должное: сообразили, как, не имея столь развитой техники, использовать наши автоматические корабли — и сумели вернуть Джо почти точно по обратному адресу. Если при этом они спроецировали его на пятнадцать лет вперед — это ничтожно малая погрешность для первой транспортировки.

К чему я все это веду? Так уж оно установилось, что курсанты-выпускники стажировались на медленных юпитерианских грузовиках, вроде нашей «Малышки» — на официальном названии язык сломаешь. И пока мы ползем от Земли до базы на Ганимеде, юнга должен научиться чему? — правильно, палубу драить. За пять месяцев перехода порядок, хочешь не хочешь, войдет в плоть и кровь. Не сегодня, так завтра — запрет на пилотируемые скачки снимут, и кто-нибудь из нынешних стажеров пойдет поближе знакомится с нашими потусторонними коллегами. Так давайте не будем повторять ошибки стариков: компьютеры — компьютерами, а своя голова на плечах не помешает. Может быть, я, по старости лет, малость

преувеличиваю — но вот запала мне одна дума... Команда на судне должна быть крепкой — иначе разойдутся наши пути так, что никакие «духи» не сумеют собрать людей воедино. А для них мы не просто какое-то количество индивидуальностей, мы — одно целое, человечество. Каждый имеет право отличаться от других, но сможет ли он быть собой, разорвав ту неуловимую нить, которая связывает его с людьми? И если чье-то нежелание считаться с кем-либо кроме себя мешает преодолевать разделяющие нас барьеры — это непорядок.

Пошли, юнга, еще два отсека осталось!

... 8 августа 1983

Вредная проза

Не умею я рассказы писать. Не то, чтобы рассказать было нечего — да и соврать красиво при надобности могу. Просто не лежит к этому. Вот стихи — дело другое! Иной раз выйдешь ночью на балкон — особенно когда ветер с табачной фабрики, и спать все равно нельзя; или, когда соседнюю свалку опять подожгут; или просто соседи на ночь жарят что-нибудь (есть на Востоке такая привычка), — в общем, посмотришь в небо — а там кривая луна через дымку проглядывает, и даже иногда пара звездочек вылезет... И тут оно и повалит в голову, что-нибудь вроде:

Мой дядя самых честных
правил...

Дядя у меня корректором в типографии был, и когда редактор райкомовской газетки после какого события оставался пару дней не в настроении, то и за редактора мог, по всей строгости. И меня в строгости воспитывал, чтобы не распускался. Все Пушкина цитировал:

Души
прекрасные порывы!

Правильно Сан-Сергеич жизнь понимал. Я вот, недавно не сдержался, сказал одному, что, дескать, некультурно он себя ведет, и нельзя мешать людям спать, когда выносишь у них из квартиры телевизор. Так тот меня ни за что табуреткой... Да еще и будильник прихватил, вместе с телевизором. А зачем ему мой будильник? Он же все равно не ходит, только просыпается в шесть утра и орет благим матом, чтобы я на работу не опоздал. У кого ночная работа — какой смысл? Теперь, вот, все вздрагиваешь по ночам: не проспять бы. Так что самое верное — стихи писать. Можно сказать, призвание.

Одно в этом неладно: затягивает. Иной раз и днем ходишь, как лунатик. На производстве, однако, уважают: горит человек в творческом порыве, создает нетленные шедевры... Не у всякой фирмы свой поэт в наличии. Даже как-то сто рублей премии выписали по статье «повышение квалификации»; правда, на руки так и не дали — ходят слухи, на цветы директорской секретарше пошло. Но мне-то что? Творчеству безденежье не помеха. Правда, коллеги каждый раз смеются: вот, говорят, опять окосел — шатается, будто ударенный.

А я и есть ударенный. С детства. У нас на Колыме народ шибко драться любил. И ходили каждый в своей компании, для безопасности. Я-то телесами хилый был — но силу в руках имел, особенно когда злой. Так что аборигены даже побаивались. Эдак схватишь здоровенную оглоблю, или лом, — и давай крутить вокруг себя — только уворачивайся! А то раз взял обыкновенное шило — да всадил одному в зад по самую рукоятку... В общем, напрямую беседовать не решались. Но как-то в закутке за продмагом подстерегли шестеро. И пока я с парой накоротке разбирался, остальные приволокли пачку шифера с соседней стройки — и опустили сзади на голову. Когда очнулся — их и след простыл. Только макушка малость саднит, и волосы липкие. Через пару месяцев все зажило, встало на места. Но с тех пор повадился я стихи писать, и никак не перестать — не могу, и все тут! Что-то, видать, стронулось в голове.

С прозой — ничего похожего. Не понимаю я этого. Что интересного, сказки-то сочинять? Ну, жил кто-то там в каком-то городе... А я и сам сейчас в городе живу. Плюгавенький хоть городишко — но какой ни на есть. Даже кинотеатр одно время был, пока его под секс-шоп не переделали. А так все как у людей: башни семнадцатизэтажные, торговый центр, рынок, больница... Начали было на площади фонтан мастерить: вырыли яму, облицевали мрамором, трубы провели — но что-то у них там не заладилось, засыпали стройку через пару лет. Да и бог с ним, с фонтаном! Речка же рядом. Правда, все подступы самострой заборами перегородил, и до ближайшего берега больше часа пешком, — но ходить полезно, особенно когда все равно делать нечего.

Не о чем тут особо говорить. Ну, убили недавно городского голову — дело житейское. Народ давно удивлялся: что-то никак его не убьют. Вот и застрелили в конце концов. Мало ли у кого какие обстоятельства. У меня через коридор соседка своего мужа из дому выгнала — так он улучил момент, когда она в магазин пошла, и проник в дом с какой-то девицей, да еще забаррикадировался изнутри. Чем они там занимались, никому неведомо — только стучали много. Хозяйка-то несколько часов пыталась его оттуда выкурить, и все напрасно. Ночью пришли двое братков с автоматами, вежливо так постучали, — а потом стали дверь ломать. Дверь-то у них хорошая, из сейфовой стали. Они ее ломают — а она их отбрасывает... Прямо на дверь моей квартиры. Так обе двери и высадили. У меня-то что, фанера. Спать, конечно, в ту ночь было несподручно — пришлось опять стихи писать.

А проза — для чего она? Начинают еще про космос выдумывать, или про зверушек каких... А что врать зазря? У нас, например, инженер ДЭЗа и так — что на другой планете. Пятый год посылаем сигналы: крыша течет. И никакого ответа. Не дошло еще. Но в жизни оно еще круче: на улице сталкиваемся, вопреки законам физики. Тут сразу и понимаешь всю сложность общения несовместимых форм разума. Вроде по виду совсем как человек, даже язык похожий — а никакого взаимопонимания.

Самая скучная литература — про шпионов. Мой приятель в секретном КБ работал и мечтал хоть кого-то найти, кто купил бы его секреты. Куда там! Все гораздо проще: приехали к ним американцы прямо в контору, да сами и вынесли, что было ценного, в обмен на устаревшие компьютеры. Но им, видать, лень было во всем этом разбираться, — и того приятеля прямо в Штаты вытащили, чтобы растолковал, что куда пристроить. Потом, я слышал, он стал шофером такси — и доволен, как слон.

Единственно что бывает забавно посмотреть — исторические романы. Про питекантропов. Как-то сразу начинаешь трезво себя оценивать и понимать, к чему мы идем. Но такие редко пишут, и ненатурально. Не верю я, что австралопитек выражался при публике, как новый русский, или гнилой интеллигент. Они как-то больше без слов, по-деловому... Неподходящая, стало быть,

фигура для нынешнего борзописца. Ни тебе монолога, ни речевой характеристики. А как там у троглодита в голове — туман, да и только.

В общем, нет у меня доверия к прозаикам. И не хочу я прозой, мне бы чего-нибудь возвышенного... Однако же привелось разок вляпаться по самую маковку — не уберегла судьба.

Вызвал меня как-то замдиректора. Так, мол, и так, есть к Вам деликатное дело. Предприятие наше по роду своей деятельности с российским руководством дружить должно, а дружбу надо укреплять и доказывать. Короче, будет через неделю очень ответственное мероприятие, а на нем высокопоставленные чины, и стенду нашему позарез необходим яркий и образный рассказик о наших передовых технологиях — так сказать, л'истуар дю сюксэ. И желательно на литературном русском языке. А наши ответственные работники общаются, в основном, по-английски. Есть еще в отделе контрактов дама, которая два года изучала на курсах русский бюрократический, — но говорит пока с сильным акцентом. Остальные же сносно владеют лишь альтернативной лексикой, что в данном случае было бы не политкорректно. Так что, получается, остались только Вы, и на Вас вся надежда. Зная Вашего дядю, и принимая во внимание Ваши успехи на литературном поприще, мы решили поручить Вам живописание достигнутого нами положительного опыта.

Понятно, я попробовал отговориться: какой из меня рассказчик? Вот если бы поэма была нужна, или, на худой конец, венков сонетов... Нет, — говорит зам, — поэма не годится. Российское руководство только прозой пронять можно. И то лишь высокохудожественной. Так что вот Вам протоколы последних заседаний директората, и — дерзайте! А мы Вам за хорошую работу путевочку в Соловки организуем. Там, говорят, тихо — отдохнете, отоспитесь.

Приуныл я — но делать нечего. Да и поспать по-человечески хочется. Про что писать-то? — спрашиваю. Я же ни с кем кроме вахтеров производственных контактов не имею, и знать не знаю, чем мы все тут занимаемся.

А Вы, — говорит зам, — про это и напишите. Пусть все

видят, как мы заботимся о наших общих ценностях и блюдем коллективную безопасность.

Пошел я ваять историю успеха. На всякий случай перед этим полистал кое-какие книжки, дядино наследство. Чтобы по науке было. Не могу сказать, что очень помогло — но морально окреп. И вперед. Фантазировать не стал, все изложил прямо по официальным текстам, только по возможности оживил стиль, да по старой поэтической привычке подпустил пару метафор.

Если вкратце, дело было так.

Есть у нас еще один замдиректора, иностранец. И как-то раз у него компьютер из кабинета увели. Хороший такой ноутбук, всего много. Сам-то в отпуск ушел, или куда еще, на пару недель, вместе с секретаршей. А компьютер оставил прямо на столе, и кабинет не закрыл. У нас же посетителей за день — сотни. Понятно, что если народ долго дразнить, он и озвереть может. Ну и выломали с мясом шнур безопасности, а ящик вынесли. Зам как вернулся — шум поднял, и очень на кого-то обиделся. Подкатился к директору и подбил его на указ о том, что, дескать, с прямо сейчас начинаем жить по-новому, и все обязаны при входе и выходе предъявлять содержимое своей ручной клади дежурному охраннику, на предмет фиксации вноса-выноса чего-нибудь материального. Да еще указ вменял в обязанность охране по необходимости производить личный досмотр сотрудников, чтобы никто ничего неучтенного мимо не протасил.

Разумеется, само начальство никто досматривать не будет, и для него все без перемен. А простой персонал заволновался. Мало ли кто что в сумках носит. Дело сугубо интимное. Начальник информационного отдела даже пробовал было возражать — ему все равно через пару месяцев уходить, а его сотрудники постоянно с ноутбуками ходят, да всякое иное оборудование тягают туда-сюда. Если терять каждый раз время на вахте — работать некогда. Пробовал объяснять на примерах: скажем, если кто берет за границей автомобиль напрокат, то он сам и заботится о его сохранности, и обязан вернуть как взял. Чуть где отбито, или украдено — плати из своего кармана. Вот, значит, и сотрудники наши, вроде как, могли бы сами отвечать за сохранность предоставленного им для работы оборудования, и финансово отвечать за собственную халатность.

Куда там! Это же пришлось бы признать, что ограбленный иностранец сам дурак, и оштрафовать его на стоимость компьютера. А дураков среди начальства нет и по определению быть не может. Пока шумели на эту тему, кто-то некстати вспомнил, как у предыдущего замдиректора бумажник пропал, с пачкой долларов и кредитных карточек. Тот по характеру проще был, и не стал гнать волну. Через пару дней карточки вернулись, милиция помогла. Ну а долларов у него и в других местах оставалось предостаточно. Но на директорат подобное воспоминание подействовало возбуждающе, и у охраны появилась еще одна обязанность — подсчитывать суммы в кошельках входящих и выходящих и фиксировать номера банкнот. А поскольку деньги можно вынести не только в кошельке, личный досмотр превращался в процедуру почти неизбежную.

Народ повозмущался для порядку — но увольняться не стал, и как-то смирились. С работой сейчас сложно, а людям семьи кормить. Дамы, правда, поначалу протестовали против слишком интенсивного ощупывания. Тогда в штат охраны ввели женщину, и возражать стало трудно. Удивительно, что потом многие сотрудницы все равно предпочитали досматриваться у охранников-мужчин, а из некоторых организаций стали ездить к нам курьерши определенного возраста, воспринимающие меры безопасности с нескрываемым удовлетворением.

Так и живем до сих пор. По утрам у входа и вечером у выхода выстраивается длинная очередь на досмотр, некоторые заранее раздеваются, чтобы времени не терять. А самые закаленные стали в одних трусах приходить, да какой-нибудь халатик сверху, для приличия. По возможности стараются ничего с собой не носить. В обеденный перерыв по кафешкам не шляются. И вообще, дисциплина укрепилась. Раньше все норовили во внерабочее время хвосты подчищать, доделывать, что в конторе не успели. А сейчас документы с собой не возьмешь — и работать надо на работе. Как положено. Правда, офисного времени остается не так много после всех досмотров. Так, один-два часа в день. Но оказалось, что и этого для нормального функционирования вполне достаточно, и общий

объем работ не пострадал. Очевидно, повысилась производительность труда.

О сохранности оборудования и говорить нечего. Тут у нас никаких проблем. Только вот, крыс и тараканов многовато развелось. Раньше-то ходили из санэпидстанции, опрыскивали помещения. Но после того, как один из охранников попытался проверить баллон с ядохимикатами на предмет спрятанного внутри компьютера, ходить к нам перестали, даже по срочным вызовам. Наши, впрочем, привыкли, и даже подружились со зверьем. Иной раз, бывает, приносят из дому что-то съестное, с каким-нибудь порошком внутри. А то ведь они же вечно голодные. Недавно у кого-то из начальства сканер сожрали целиком. И видеокамеру, прямо со склада. Никаких следов. Пришлось списывать. Начальство, впрочем, в контору нечасто заглядывает, и секретарши где-то с ними, по должности. От того всем только спокойнее: никто над душой не стоит и глупых указов не издает.

Вот, обо всем этом я и написал, честь по чести, с живописными деталями. Передал наверх для просмотра и редактирования. Но, как всегда, времени у замдиректора ни на что не было, и текст напрямик направили на стенд, да еще на своем сайте разместили, на самом видном месте. Эффект был сногшибательный. У провайдера сервер несколько раз падал — не выдерживал перегрузки. А на том мероприятии у нашего стенда весь народ столпился, про бизнес забыли и ржали, как лошади. Российское руководство смогло пробиться к стенду только при помощи ОМОНа. Но зато когда пробилось — начальству нашему как-то резко поплохело. Нет, за высокий уровень коллективной безопасности даже премировали. И рекомендовали опыт к перенятию. Но за то, что из серьезного дела балаган устроили, — нагорело сильно. И плакала моя путевка на Соловки, а здоровый сон до сих пор даже присниться не может...

Предупреждал ведь: не умею рассказы писать! Не мое это.

Маздай

Ну что пристали? Расскажи, да Расскажи... Возьмите лучше книжку, почитайте. Вон, например, администрирование пингвина — занятная вещь! А мне особо говорить не о чем. Ну, какая такая занимательность в жизни рядового програмера? Сижу, скрипты клепаю, чищу данные в базах, юзеров обихаживаю да сервера конфигурирую. Дело, можно сказать, обыкновенное. Раньше, хоть, доходная была профессия — а теперь за ценами не угнаться, концы с концами бы свести...

Ладно, черт с вами, слушайте, кому пить надоело. Только предупреждаю: рассказчик я никакой — и словарный запас у меня, мягко выражаясь, не самый литературный: "ping-trace", "if-else", "on error goto"... Так что, в случае чего, пеняйте на себя.

Прошлой зимой, в марте, решил я таки слинять из города на природу — теперь, оно, и не скажешь, зачем. То ли начальство достало, то ли воспоминания детства... Короче, снял я на свои дохлые сбережения дачу в глухой дыре, куда и летом народ наезжает только по обязанности, а зимой выходит еще дешевле. Но WiMax каким-то чудом достреливает, и с ноутбуком можно не скучать. Взял отпуск на две недели, помахал ручкой стойкам в серверной; они мне тоже, эдак, лампочками поморгали — дескать, не забывай... И все. Мобильник выключил, в почту решил не лазить, из принципа. Иначе юзера расслабиться не дадут. Продукты сразу на весь срок закупил — много ли мне надо! В общем, залег в берлогу.

Первые трое суток даже на веб не заходил — отсыпался за все пропащие ночи. Потом стал понемногу выползать. Мороз тогда стоял, кто помнит, градусов под двадцать с хвостиком. Снег скрипит, деревья шуршат, звезды рядами на небе — прямо коммутационный шкаф! Насчет живности по такой погоде не особенно, попрытались все. Но если днем солнце проклюнется — кто-то пищит неподалеку, вроде факса. Так что вполне весело.

Больше недели, конечно, не выдержал — стал понемногу присматривать за системами, подправлять мелкие грешки... Полезные статейки в Сети просмотрел, для самообразования. Когда еще заняться? Одно плохо — в онлайн время начинает путаться, и потом в реале не всегда догоняешь, что для чего. Впрочем, на отдыхе это все едино.

За пару дней до конца срока вынырнул как-то из сетей... На часах полседьмого — то ли утра, то ли вечера. За окном темнота. Был на улице раньше фонарь — но рано помер. Хорошо, луна едва стареть начала — и зависла над сугробами, как раз на месте покойника. Стало быть, решил кости размять. Натянул свитер, закутался в китайский пуховик, на ноги старые валенки, стояли тут... Дверь, правда, пришлось слегка попинать — приморозило. В конце концов вылез, побрел по направлению к калитке. Слева сугроб по пояс, справа местами до шапки достает... Нормально. Зима же. Зато воздух чистый, хоть и кусается. Ну, думаю, до забора — и обратно. До забора дошел. Тогда оно и произошло.

Что — что? Не надо меня путать, я и сам по этой части специалист. Мало ли, какие шутки в природе... Не все удастся объяснить, тем более с засетеванными мозгами. По опыту, в таких случаях лучше и не пытаться. Перезагрузить операционку — авось, само пофиксится. Нет — тогда и думать будем...

Да... Странно все получилось. Но уж, что было — то было. Сейчас, подниму логи — восстановлю картину...

А картина была такая: на улице, прямо за калиткой стояла какая-то девица и что-то там ближе к лесу рассматривала. А из одежды на ней — одни духи. То есть, буквально. Что ржете, охломоны? Мне было не до смеха. Сами посудите: ну на кой мне лишний народ на отдыхе? Но оставить ее так — тоже нехорошо. Вымерзнет ведь, как стадо динозавров. Опять же, светать начинает (ага, все-таки утро). Еще увидит кто ее в таком виде у моей дачи — объясняй потом кому-нибудь что-нибудь... Делать мне больше нечего! Непорядок.

Значит, решил я выйти туда, к ней. "Здравствуйте!" — говорю. Обернулась, но в ответ ни звука. Смотрит в упор, как на обезьяну в зоопарке. Вероятно, так я и выглядел: небритый, морда опухшая, одежда драная — пух лезет. Но все равно

неприятно. Стал объяснять по доступным каналам, что я тоже человек, и не надо меня садировать зрелищем замерзающей дамы. Короче, она в конце концов поняла, что я ее в дом приглашаю. И даже согласилась накинуть на плечи мой пуховик, для тепла и приличия.

Пошли мы к дому по той же дорожке, между сугробов. Но шла она тоже не как все. Вроде бы, переступает ногами — но ощущение — будто земли вообще не касается, скользит поверх. Ну, не мое дело — чужие привычки обсуждать. Открыл ей дверь, запустил внутрь. Стал соображать, в какой последовательности дальше программироваться. По любому, надо бы минимальную одежку перво-наперво. Потом накормить чем осталось, да к огню поближе. Пункт первый реализуется путем шмона по остаткам от хозяев — удалось найти кое-что женское, если это можно так назвать. Пытался объяснить, как его надевают, — полное фиаско. Не врубается в упор. Сбросила пуховик в прихожей — и порхает по комнате тем же манером, вскользь по-над полом. Ладно, допустим, что это фича такая. В конце концов, меня оно не напрягает. Затруднения будут позже. По крайней мере, значит, ей не холодно — одной заботой меньше.

Со вторым пунктом тоже не сработало. Заманил на кухню, извлек из холодильника колбасу с сыром, полбатона плюхнул на стол, согрел чаю... Не воспринимает. В качестве демонстрации погрыз сам немного. Смотрит, как на идиота. Допускаю, что вид у меня действительно был идиотский. Вы бы на себя посмотрели в такой ситуации! Летает тут, по дому голая девица, явно нездешняя, и по-нашему не понимает... Куда я ее, такую, предьявлю? Мне же уезжать скоро.

Да ну вас! Мне за это и не думалось. Я же не маньяк озабоченный. Что я голых баб не видел? Вон, их, на вебе — хоть штабелями укладывай. А эта... Как бы это подоступнее... Я уже говорил про духи. Так вот, она хоть и голая была — но вроде бы и одетая, запах на ней какой-то самостоятельный, плотный, непроницаемый, как одежда. Нет, не сильный, даже наоборот. Но эффект одетости — однозначно.

Вы меня знаете, сочинительством заниматься не умею. Как есть, так и описываю. А что так не бывает — это уже не моя

забота. Как хотите, так и понимайте. Сами напросились — я же предупреждал!

Реально, загрустил я. Расстроился. Она, похоже, почувствовала, по-своему. Как-то помягче порхает. И будто приглашает за собой. Следую за ней — а она к моему ноутбуку, и смотрит в экран. А что туда смотреть? — там только скринсейвер прыгает. Подошел, залогинился, завел SSH — работа, как обычно, занимает мозги целиком, и все остальное выветривается. Это я сейчас понимаю, что она таким образом мое настроение на место поставила — соображая! А тогда, после пары часов у компа, просто успокоился и решил оставить все, как есть. Допускаю, была у меня тайная надежда: вот, оторвусь от работы — и никого, и никаких проблем... Проблемы остались.

Но теперь меня они не волновали. Как-то мы, вроде бы, уже подружились. На красивую девушку приятно посмотреть, пусть она и со странностями. Я даже побрился по такому поводу. Сомневаюсь, что от этого обезьяны во мне ubyло. Но все-таки.

Так и прожили весь день. На улицу, конечно, не выпускал. Во избежание. Но общаться с ней было приятно — к вечеру понимали друг друга без слов, словно бы разговаривали. И будто бы она что-то рассказывала про себя — а мне про себя и рассказывать нечего. Не помню я подробностей. Мне они без надобности.

Ночью решил не сидеть в Сети — отоспаться перед возвращением. Залег на свой топчан и задрых без задних ног. Только слышал ее запах где-то поблизости — уютно так, домашнему...

Наутро вижу: здесь она, крутится вокруг ноутбука и вроде как поглаживает его пальцами, почти незаметно. Посмотрел на экран — и обмер. Вместо традиционного рабочего стола — совершенно невероятная путаница линий, цветных пятен, все движется, вибрирует, в монитор не помещается... И странно — комп как бы завернут в странный запах, осязаемый — погладить можно.

В другое время я бы озверел. Ноут — дело интимное, никто не имеет права забирать его под себя. Но ей почему-то было позволено. У нее это получалось просто и естественно. Как скользить над землей.

Ладно, умылся я, то да сё, позавтракал... Аллах с ним, думаю, с ноутбуком. У меня в офисе есть еще один. А этот спишем по старости. Выглянул в окно — и не особенно удивился: сугроб отодвинулся от дома на пару метров, а на обнажившейся земле сплошным ковром распустились цветы — маленькие такие, зеленовато-рыжие, — не то лепестки, не то листья... Пусть будет. Дело житейское.

Когда я вернулся к ноутбуку, она уже закончила. На экране восстановилась привычная картинка, ничто не напоминало о недавнем сумасшествии. Разве что — тень от запаха. Так, совсем немного. Посмотрел — инструменты все на месте, все в рабочем состоянии. Понятное дело — зауважал. Мало кто способен попользоваться чужим компом и не намусорить.

Так что прожили и этот день душа в душу. Но к вечеру стало мне опять не по себе. Утром уезжать — а как с ней быть? Пора что-то делать, на что-то решиться. Очень я это дело не люблю. По части программ — решения принимать легче. Есть производственная задача, есть начальство, которое в случае чего может использовать административный ресурс. А над такими — кто начальник? Да и вообще, можно ли тут начальствовать?

Начал понемногу собирать вещи, чтобы как-то оттянуть невеселый момент. Но какие у меня вещи? На полрюкзака всего имущества. Чую, стоит за спиной — и вроде как приглашает куда-то. Обернулся — а она прямиком к двери. Ну, думаю, сейчас начнется... Да и плевать. Открыл я ей дверь; хотя, похоже, она бы и без меня управилась — просто не хотела поперек идти, из деликатности. Смотрю — утрешние цветочки вымахали под два метра, весь горизонт закрыли. На сердце, понятно, отлегло — пусть идет себе, никто не заметит. Вышла она на крыльцо, встала на кромке растительности, обернулась — чую, зовет за собой. Сделал шаг — нет, не то... А она рукой показывает на меня, выразительно так... Дескать, надо одежду снять. Совсем засмутила. Минуту-другую колебался — слышу, опять зовет, — на этот раз с оттенком тревоги — время, мол, поджидает. Хрен с ним, сбросил все с себя — и бегом к этим, то ли цветам, то ли деревьям. Она вошла первой, листья-лепестки сомкнулись вокруг, совершенно закрыли от глаз. Набрал воздуха поболь-

ше — и тоже нырнул. Ощущение — невероятное! Будто каждый лепесток тебя гладит, каждый стебель к тебе льнет, и все это вместе о чем-то по-своему разговаривает. Колдовство чистой воды. Расслабился, согрелся, перед глазами поплыли нездешние картины — фантастика отдыхает! Чувствую — начинают меня эти цветочки на молекулы разбирать, еще немного — и совсем растворюсь.

Вот тут я испугался. Струсил. В чем с прискорбием сознаюсь. Не дорос я до подобных приключений. Что с обезьяны возьмешь? Задергался, рванул обратно. Цветочки меня удерживать не стали: лепестки аккуратно так, не спеша, отклеились, стебли расступились с выражением явного удивления... Но раз решил — пожалуйста. Не принято у них людей силком растворять.

Выскочил на крыльцо, прыгнул в дом. С порога обернулся — никого. Стена цветов стоит молча, ни единого всплеска. Оделся, сел на порог, жду. Ничего. Тут уже и темнеть начало. Пошел внутрь, но дверь на всякий случай оставил приоткрытой. Через час потянуло холодом. Выглянул — а от цветов только бурая каша на земле, все полегли. И сугроб опять наступает. Пришлось как следует закрыть, чтобы дом не выстуживать.

Я потом еще раз вышел во двор. Холодно, замело все, будто и не было ничего. Оделся получше, прошел до улицы. И там по-старому — тишина да темнота. Так вот и кончилось непонятно что. Мне бы радоваться — можно спокойно ехать с утра, никаких проблем... А на душе погано, подленько так, ноет, зараза, и вообще ничего не хочется. Закинул остатки вещей в рюкзак, даже комп упаковал. Допил последнюю пачку кефира, потом дерябнул кофе покрепче. И сидел всю ночь, тупо глядя в окно.

Жизнь, понятно, берет свое. Пришел в офис — юзера пищат, начальство ругается, сервера виснут, базы глючат, на десктопах блоки питания не тянут... Скучать некогда. Так, потихоньку, пришел в норму. Опять же, немного зарплату накинули — боятся, что совсем уйду в следующий раз. Мало ли, что малохольному в голову взбредет.

Само собой, вспоминается иногда... Я тоже подумывал насчет снов, или еще каких наваждений. Нет, не похоже. Можете меня за психа держать — а было все на самом деле. Понятно, что

в голову оно не укладывается. Но, например, самые ходовые компьютерные приложения, бывает, такие побочные эффекты дают — только удивляться про себя. Где-то в исходниках наверняка есть рациональное объяснение, а докопаться до него сложно, да и не нужно никому. Будет новая версия — со своими чудесами.

Глюк? Вряд ли. Скорее, это мы тут все — один большой глюк... А у них все как надо. Чего нам не дано — так, разве что, нюхнуть иногда. И испугаться, и снова в скорлупу...

Очень я с тех пор парфюмерию не люблю. Глупые ароматы, завлекалочка для кобелей. Поменьше бы этой дурусти — может, почувяли бы где-нибудь тот, настоящий запах... Ну, вам-то оно не грозит — пиво да сигареты остатки обоняния отшибут. А кому-то, вероятно, хотелось бы. И я бы, наверно, не прочь. Только подобный шанс не выпадает второй раз. И пытаться не хочу. Вот, поползете вы сейчас по домам — а я за свой занюханный ноутбук, и работать, работать... Чтобы не лезла в голову всякая дрянь. Про то, что не я свою судьбу прошляпил, — это у человечества была возможность вылезти из дерьма, но по моей милости сорвалось. И остается нам...

Да ничего, собственно, не остается. Все. Конец истории.

февраль ... март 2011

Кольцо

Я есть.

Я — все, что было, есть и будет.

Я старое и новое, случайность и закон.

Я бесконечность и миг.

Я творец и творение, сложность и простота.

Это я.

Их много, очень много. Одно слово — орда. Беспощадны и ненасытны, в злобе и жадности. А впереди, на западе, — настоящая добыча, и некому уже встать на пути...

Но было хану странное видение — будто глянуло нечто из бездонной глубины, а слов тому не найти ни в языке диких воинов, ни у местных колдунов. Впрочем, те не сказали бы, даже если б знали... Такие тут, упрямые — по болотам попрятались.

Не лежала душа идти через леса. В степи спокойнее — далеко видать, и не давит тайная беда со всех сторон. Советовали, советовали южный путь... Но там — выжженная врагами и засухой голодная пустошь, а за ней — узкий проход между горами и морем, где так легко превратиться из охотника в добычу. Часть племен отделилась, ушли туда — что с ними будет? Помедли еще немного — и пропала орда, развалилась на мелкие ханства, — ни новых дел, ни старой дани.

Предки завещали — пройти через весь обитаемый мир, к западному морю, за которым только ночь. И осталось, вроде бы, совсем немного. Особенно теперь, когда пожгли эти странные города, будто гнезда гигантских лесных птиц.

Кто знает, что там еще таится, под сумрачными листовыми сводами, за буреломами и непролазной грязью, в прочной паутине перепутанных ветвей? Жуткие звуки доносятся иной раз по ночам. Если не удастся выйти на открытое место — лучше

повалить лес, подалее держаться от чужих. Но когда накануне расчистили землю под ночлег — выступили из-под земли кости огромных зверей. По преданиям, такие же находили с древних времен в глинистых просторах матери всех земель, у восточной кромки Вселенной. Хану понятно: близка последняя цель. Но взметнулся старый шаман — дескать, дурной знак, и другие приметы не к добру.

Убить шамана недолго. Чтобы смуту не поднимал. Новый шаман будет во всем согласен с повелителем. А все равно беспокойно на душе.

И тут вдруг этот взгляд из пустоты. Бывалому воину страха нет — ни люди, ни демоны не смогли бы помешать. Но вынести *такое* — выше любых сил. И грянул крик: поворачивать коней.

Зарезали пленных, побросали все, что пригодилось бы в походе — но мешает отступающим.

И потекла волна вспять, бросая павших от неизвестной болезни лошадей и добивая неожиданно обессилевших соплеменников. Снова пройдут они огненной чумой по разоренному краю — разрушат едва восстановленное, подберут недограбленное. Но не бывать уже мечтам о всемирной орде — и никто так и не узнает, почему.

Гоблое место. Голое, то есть, и гиблое. До революции прозывали: Чертова плешь. Не растет ничего, и ходить туда местные десять раз остерегутся. Казалось бы — откуда? Река рядом, в соседнем лесу и зверье, и птицы, ягоды с грибами так и прут из земли. А тут — как отрезало. Провели черту, за которую не переступить. А кто переступит — несдобровать. Сказки про то ходили — одна другой страшней. Вроде бы, кто-то глаза потерял, кто-то в уме повредился, а иные могли и руки на себя наложить. Еще — история про разбойников, которые решили спрятать добычу в укромном месте, да вдруг нашло на них — и друг друга порешили как есть. А клад вроде бы остался, и желающие обогатиться — нет-нет, да и сунутся черту в пасть. Ну и наживали себе по первое число.

Было как-то, опы хотели по себя подгрести. Они по этой части мастера. Ходили там с иконами, да кадилами, — решили,

значит, церкву ставить, а заодно и огородики расположить. Ничего не сподобилось. Сгорела стройка — как на духу. Так что, получается, черт на этот раз победил. Местный попик надрался до полного ризположения — и все твердил про каких-то демонов, которые прячутся в пустоте... Что по пьяни не привидится!

А тут кстати и начальство церковное сменилось, а новый архимандрит на здешних «строителей» сильно осерчал. Чего-то они ему, видать, вовремя не поднесли. Сослали их в такую глушь, из которой и слухам не выбраться.

Потом, уже после войны, приезжали энтузиасты с приборами, что-то долго там меряли, в тетрадки писали... Один даже телеграмму отбил в Академию наук — про какие-то невероятные открытия. И вдруг — скоропостижно свернулись, да умотали. Испарились. Будто и не было никого.

Когда грянула перестройка, то бишь большая дележка, один толстосум Плешь забором огородил, нагнал гастарбайтеров с материалами — и отгрохали виллу с башнями: фонтан во дворе, а по ночам живые картинки бегают по высоченному забору.

Хозяин-то, говорят, повесился в городской квартире, а замок его за несколько месяцев как гнилушка истлел, обрушился сам собой, рассыпался в прах. С туземных строителей что взять? Тем более — место гоблое.

— Можно, Шеф? Я тут расчетик сделал к диплому, как Вы сказали... Все, в общем-то, выходит как задумано. Так что можно прямиком вставлять в текст и привязывать ссылки. По срокам все в норме. Только — не глянете? — один побочный эффект вылез... Вот здесь, я распечатал...

Получается, что первоначальная сингулярность просто так исчезнуть не могла. Не клеится тогда арифметика. Возможный вариант — распад на множество мелких сингулярностей, эдакая зародышевая пыль. А тогда можно предположить, что все эти черные дыры в центрах галактик неспроста, что не возникали они, как сейчас думают, при сжатии неоднородностей первичного газа — а наоборот, неоднородности возникали вокруг микросингулярностей, и галактики росли именно там, заодно

подпитывая черную дыру своим веществом. Это, конечно, крамола — и бред собачий, но вдруг? Понятно, что не для публикации, — просто интереса ради...

В связи с этим есть еще более нахальная идея. А что если в первоначальной сингулярности сидит вся предыстория Вселенной, в какой-то свернутой форме? Так вот, при Большом взрыве разнесет клочки от этой бесконечности по всем углам нового мира — и будут они себя потихонечку проявлять в самых неожиданных местах. Причем речь наверняка не идет о каких-то массах — тут эффект потоньше, чисто потенциальная связь разных мест с историей до взрыва. Пока все это не развернуто — масса не появляется. Но аномалии при взаимодействии с массивным миром будут наверняка. А если ненароком большая флуктуация — может и рвануть.

Кто знает, может, и мы с нашими расчетами — такая, вот, аномалия?

Впрочем, это уже из области ненаучной фантастики.

Я знаю.

Я молчу.

Все уже было.

Все снова будет.

Я жизнь.

Я смерть.

Я бессмертие.

1991 (?)

Конфеты и фантики

Достоевский с Досидянским собрались в гости к Доходягину. Позвонили Долежанскому — не желает ли присоединиться? Но тот в упор не соглашался без Довисякера — пришлось пригласить и его. По дороге встретили Долетицкого с Допарилкиным — они всегда ходят парочкой. В общем, компания собралась наизнатнейшая.

Достоевский как раз дописывал очередной роман, про Раскольникова, и согласился озвучить избранные главы. Впрочем, публика слушала рассеянно, и Достоевский читал без особого энтузиазма — ему хотелось закончить до того, как со стола исчезнут его любимые клюквенные пряники. Когда он, наконец, отложил тетрадь в сторону и смог налить себе свежего чайку с жасмином, еще продолжалось общение по поводу маленьких шоколадок, накануне завезенных из самой Швейцарии. Поэтому Достоевскому хватило времени, чтобы отведать великолепной ванильной пахлавы, которую хозяин дома специально выписывал из Турции под заказ.

Первым прорезался Досидянский:

— Слышь, Федя... Какой-то странный он у тебя — этот... Раздолбаев.

— Раскольников, — машинально поправил Достоевский, соображая, не заест ли это дело французской вишней в арманьяке.

— Не суть важно. — отозвался Досидянский. — Речь о странностях персоны, а не фамилии.

— Да, и в самом деле... — подхватил Долежанский и выразительно поглядел на Довисякера. — Все люди как люди, по-интеллигентному... А этот твой... Разбитной — с топором. Глупо же, согласись! Мог бы запросто пригласить бабульку в гости, напоить крепким цейлонским чаем с цианистым калием...

Достоевский на всякий случай отодвинул недопитую чашку подальше. Довисякер молчал — и слово предоставили Долетицкому:

— Мы с Допарилкиным, конечно, далеки от рациональной приземленности и могли бы понять топор в высоком метафизическом смысле. Фамилия ключевого персонажа — Расчлентяин — очень тогда к месту. Но надо же в таком случае идти до логического конца — показать, как герой в порыве экзистенциального ужаса душист свою пассивность — как ее... — Маньку Пастилкину. Потом пытается застрелить следователя — а поскольку тот предусмотрительно надел бронежилет, ничего не остается кроме как пойти в кабак и зарезать первого попавшегося посидельца осколком бутылки из-под «Вдовы Клико». Тогда уже можно лезть на крышу — и прыгать в пламя заходящего солнца с криком «Банзай!».

Долетицкий взметнул вверх обе руки, будто сам собрался прыгать... — но передумал и взял со стола конфету в зеленом фантике. Допарилкин прослезился — и последовал его примеру. Достоевский не любил конфеты — но тоже взял.

В этот момент подал голос Довисякер, уютно расположившийся с бокалом чего-то эльзасского в замшевом кресле, под торшером в стиле модерн, в кремовых сандалиях на босу ногу поверх розовой банкетки.

— Господа, не надо спорить! Автору таки обидно, что вы его критикуете. Да, конечно, этот Разбойман не подарок... Но объясните мне, чего мы таки не видели в замшелой эстетике российского романтизма? Возможно, сюжетная неполноценность и грубовато-религиозное глубокомыслие — это как раз те черты истинно славянского юмора, которые откроют новую страницу в истории мировой литературы и поставят нашего писателя в ряд величайших литераторов всех времен и народов.

Достоевский вдруг почувствовал себя памятником. С другой стороны, лучшие чувства требовали реабилитации:

— Но я вовсе не имел в виду ничего смешного...

— Конечно, — кивнул Довисякер. — Настоящий юморист всегда пишет на полном серьезе. Но мы-то знаем про «Село Степанчиково», и нас привлекает это великолепное умение нести

легковесный вздор под видом трагических метаний истерзанной души.

Достоевский расстроился и пить за свое здоровье и процветание новой русской литературы не стал. Когда гости плавно отбывали, Доходягин подошел к Достоевскому в коридоре, похлопал по плечу и тихо сказал своим низким бархатным голосом:

— Не надо, Федь... Не бери в голову. Эти трепачи такого наговорят... А мне понравилось. Нет, честно. Я в словесах не силен, но на мой обывательский взгляд — очень недурно. Так что давай, пиши дальше. А там посмотрим, куда кривая вывезет. Только ты с названием не перемудри — что-нибудь простенькое, без обиняков... Вот, например: «Преступление и наказание». Пусть критики бранят за пошлость — а тираж точно будет. Это я тебе говорю.

2011 (?)

Страсти по Страдивари

Завалилась у меня как-то скрипка Страдивари, и вознамерился я, было, ее продать. Жалко, конечно, — воспоминания с ней связаны, какие ни на есть. Но за окном снова кризис, и лишний раз утром сухарик с чаем выкушать — вопрос уже проблематичный. А тут — хорошая вещь, кому-то для чего-то полезная. Раньше я к музыке имел отношение — и по службе, и по душе. Но скрипку не для себя добывал — в подарок. Нет больше родной души, жизнь позади, — так на что теперь? Опять же, инструмент содержать надо: и влажность ему правильную создай, и в футлярчике переложи, и струны — то ослабить, то снова натянуть... Да и поиграть время от времени требует — они, инструменты, без этого чахнут. В общем, хлопоты одни. Отдавать в спецхран — тоже, ведь, не за просто так. Поскольку это не народное достояние, а сугубо частная инициатива, персональное, так сказать, развлечение. А развлечения для того и существуют, чтобы с них навар снимать.

Первая мысль была — в ломбард заложить. Не приняли. Мы, говорят, такими вещами не занимаемся, ответственность на себя не берем. Страдиварей нынче на специальных аукционах продают за бешеные баксы. И адресок дали, куда звонить.

Обращаться, конечно, не хотелось. На кой мне бешеные баксы? Еще заразишься от них. Мне бы обычные рубли, на которые в соседнем магазине хлеб отпускают. Но раз опытные люди говорят — видимо, придется. Набрал номерок, пару раз прослушал какие-то странные звуки, которые теперь выдают за музыку, — и в конце концов вышел на барышню с милым голосом. Спрашиваю у нее, как у них там насчет скрипку продать. Барышня, судя по звуку, чем-то поперхнулась — и попросила немного повисеть на телефоне, пока она меня на менеджера переведет. Висеть я не стал, просто держал трубку

около уха и еще пару раз прослушал ту же невменяемую фонограмму. Потом приятный баритон извинился за мое вынужденное ожидание и сообщил, что скрипку они, безусловно, принять к продаже могут, что это их профиль, и что он готов поставить меня в план тематических сессий, как только будут улажены все формальности. Я по наивности так сразу и спросил: сколько примерно я мог бы за нее получить? «Ну что Вы! — рассмеялся баритон. — Сначала получать будем мы. Вам предстоит внести заявочный и гарантийный взнос, оплатить страховку. Потом по Вашей скрипке мы оформляем заключение специалистов и передаем его опытным оценщикам, которые определяют стартовую цену лота. Все это, разумеется, тоже не бесплатно. А уже потом, когда лот пойдет на торги, его, возможно, купят по более высокой цене, — и тогда Вы сможете получить то, что останется после удержания посреднической комиссии и банковских сборов». А если, — спрашиваю, — по высокой цене не продадут? Оказывается, и такое бывает — и тогда мне надлежит выставить лот на торги повторно, с изменением стартовой цены; у них, на мое счастье, это возможно с минимальной комиссией.

Все услышанное не вызвало у меня ни малейшего энтузиазма. Однако раз уж влез в такое дело, решил для очистки совести поинтересоваться абсолютными величинами озвученных потерь с моей стороны. «Без проблем! — отозвался баритон. — Я Вам с удовольствием вышлю полный прейскурант на факс, или на мыло. Диктуйте... — Что? В общих чертах? Ну, это встанет никак не больше...»

По всей видимости, соседка вызвала скорую, — потому как очнулся я уже в своей кровати с компрессом на лбу. Хорошо еще, что медицинская страховка валялась тут же, на столе, — на днях отстоял очередь в поликлинике, очень кстати. Пару дней попостельничал, пришел в себя. И решил продолжать с продажей своими силами, сугубо по-дилетантски. Ну их к лешему, с их бандитскими аппетитами! С моих завтраков мне и за несколько жизней столько не собрать.

Составил объявление: так, мол, и так, имеется нечто, готов уступить по сходной цене. Вот только с ценой определиться как?

Потыркался по сходным объявлениям, сделал поправку на повышенную антикварность и скидку на мою бедность... В конечном счете поставил 12 рублей. Слишком дорого заломить — никакой продажи не получится; продешевить себе в убыток — оно затраченных сил не стоит. Тем более, что силы, прямо скажем, давно не те.

На мое счастье, как раз пошло поветрие в Интернете бесплатные объявления пролистывать. Тут я и пристроился к нескольким службам, и стал ждать результатов — просто так, интереса ради, — посмотреть, как пойдет. Если нормально — можно и продолжить чем-нибудь вроде китайского чайного сервиса трехсотлетней давности. Тоже, вот, наследство.

Несколько дней было тихо, и я даже стал подумывать, что пора снимать объявление, — но надо, думаю, все же подождать, хоть до конца недели. И народ под конецzareагировал.

Первым откликнулся неизвестно кто, прислал SMS на мобильник: «Куплю Вашу скрипку за 5 рублей».

— Нет, — отвечаю, — не купите. Потому как я ее по такой цене — не продаю, а продаю совсем по другой. Чью-то еще скрипку, быть может, за пять рублей можно приобрести — а мою никак.

Получаю ответ: «Ну и сидите с Вашим старьем! Новая такая в магазине — не больше десятки. Никто Вам за бэушную переплачивать не станет». И даже ссылку прислал на сайт магазина, для пущей убедительности. Залез в Интернет, пошел, куда послали. Действительно, продают новую скрипку Страдивари, изготовленную год или полтора назад, и цена стоит на современный манер: 9 рублей 90 копеек. На фотографии — один к одному как у меня. И упаковка фирменная, и руководство пользователя, и гарантия изготовителя... Даже смычок в подарок. Очень все интеллигентно. Потом присмотрелся — дурыт нашего брата! Гарантия-то всего 24 месяца, и не с момента продажи, а от даты изготовления. Так что, выходит, скрипочка-то совсем не гарантийная — ничем не лучше моей. Учитывая, что изготовитель уже несколько веков рекламации не принимает, — тем более липа. Нынче, ведь, сайт слепить — дело нехитрое, тут любой может за пару часов нарисовать что угодно, лишь бы

впарить, с доставкой до подъезда. А окажется гриф с сучками — ищи потом ветра в поле!

Решил оставить все, как есть. Пусть не слишком дешево — зато честно. Да и что такое двенадцать рублей при нынешней инфляции? Это не деньги для истинного ценителя и знатока.

Следом написал на электронную почту некто с полурусским именем: «Хочу сделать замечательный подарок любимой жене. Отдайте за 8 рублей — с самовывозом». И, кстати, ссылку добавил, на тот же самый сайт, — дескать, не хочу платить полную цену, а с рук выйдет дешевле.

Изложил я в ответ свои соображения по этому поводу, и остался при своей цене. А он опять пишет: ну что, дескать, Вам стоит уступить немного? Без торга — разве это рынок?

Отвечаю, что я не на базар пришел, а просто предлагаю ценную вещь по вполне разумной цене. Так что, выходит, придется жене пока без Страдивари обойтись.

Следующее письмо было в нехорошем тоне: мол, это Вы там обойдетесь, со своими тухлыми неликвидами, и с голоду помрете за обиду хорошего человека!

Ну, помру когда-нибудь все равно — с этой мыслью постепенно свыкся. Непонятно другое: как-то подозрительно быстро вроде бы замечательный подарок превратился в тухлый неликвид — к чему бы оно? Если кто-то дарит любимой жене уцененную тухлятину — разве это любовь? Мне почему-то всегда казалось, что экономить на любви нельзя, что любящему сердцу не монеты отстукивать надо, а мгновения блаженства... Возможно, впрочем, тут моя старость говорит, и отсталость, — времена меняются, люди тем более. Ладно, подождем других интересующихся.

Через некоторое время позвонила женщина и долго упрашивала продать скрипку за три рубля.

«Ну что Вы! — говорю. — За так это уже не продажа получается, а какой-то акт благотворительности. Этим я не занимаюсь, для таких мероприятий имеются другие места. Мне-таки желательно выручить хоть что-нибудь, на утренний сухарик с чаем». А она опять за свое: «У меня всего три рубля, дети малые, не могу я больше за скрипку дать...» Пытаюсь объяснить:

«Если Вы в магазин приходите и обнаруживаете, что в кошельке у Вас не хватает на банку ананасов в сиропе, — Вы же не станете уговаривать кассира, чтобы он Вам эту банку за четверть цены пробил? Да и не сможет кассир, у него цены сами по штрих-коду выскакивают. Придется Вам эти ананасы только глазами есть. Почему бы и в других случаях не исходить из своих реальных возможностей и не замахиваться на то, что заведомо не по карману?» Про детей говорить не стал, что слишком уж часто используют ребенка в качестве тарана или оправдания, а вовсе не как будущего человека, или хотя бы просто милое сердцу существо. Все равно обиделась, что-то злое пробурчала и бросила трубку.

Некто в спокойном, уверенном тоне пытался доказать мне, что я все равно не смогу взять Страдивари с собой на тот свет, и достанется скрипка кому-то совершенно бесплатно, и пользы мне от этого не будет абсолютно никакой. И пример приводит, из жизни: «Мне, вот, сосед отказался дачу продать по моей цене — а землю муниципалитет забрал, за символическую компенсацию, и на месте его дачи теперь многоэтажки стоят. У меня в муниципалитете лапа, я бы с них в несколько раз больше содрал. А так ни мне выгоды, ни ему удовлетворения». Поговорили мы еще немного — да и разошлись, каждый при своем. Не люблю я деловых, грешен. Они, конечно же, правы, и логика у них — что твой ледакол. Но привык я, долгие годы обретаясь в мире искусства, искать во всем крупички поэзии, искорки душевности, в конце концов. Возможно, где-то неправильно поступил — но в этом моя капризная логика.

Был совсем странный звонок, спросили, сколько скрипка весит. «Извините, — отвечаю, — я же не картошку продаю, а предмет старины. Историческую ценность измерять — не весы нужны, а, скорее, хронометр — да и то, не всякий, а градуированный в столетиях». Тут мне популярно объяснили, что опытный эксперт оценивает вещь не из каких-то эфемерных соображений, а по объективным параметрам, и вес скрипки имеет немаловажное значение для заключения о ее принадлежности той или иной ремесленной традиции. Пришлось признать полную свою неспособность к науке точной экспертизы; но взвешивать

скрипку все равно не стал — пусть думают, что хотят. У меня дома и весов-то нет. А опытный эксперт, полагаю, может оценить вещь даже заочно, по каким-нибудь малоизвестным флюидам, благополучно избегающим непросвещенного внимания не столь искушенных особей.

Потом еще какой-то ненормальный просил прислать фото блока питания. Честно ответил, что не питается она, а даже где-то наоборот, сама многих питала. «Так это что, акустика что ли? — спрашивает псих. — А как вы с нее звук снимаете?» Я сначала даже не понял. Потом дошло. «Никак, — говорю, — не снимаю. Звук с нее сам собой слетает, и очень даже неплохо летит». Но собеседника это почему-то не устроило... Стало быть, не срослось.

Было еще несколько звонков в том же духе — абстрактные беседы без надежды на взаимопонимание. В конце концов, нашелся один решительный:

— Я готов купить скрипку по Вашей цене, — но чтобы непременно с доставкой.

— А куда доставка-то? — интересуюсь.

— Да тут недалеко, деревня Тухлые раки Приболотного края.

— Не, — говорю. — Я человек немолодой, и от тухлых раков мне уже сейчас дурно делается. Не поеду, не уговаривайте.

— А Вы, — говорит, — почтой пошлите, наложенным платежом. Я и расходы по пересылке готов оплатить.

— Эко, Вы, батенька, — отвечаю, — хватили! Почта у нас — известно, как работает. Какая там, внутри, влажность — никто не поинтересуется, и футлярчик бережно кантовать не станут. Так что придет к Вам не скрипка, а щепка Страдивари. Опять же, когда это случится — ни одной живой душе неизвестно. Я, может быть, к тому времени старше Страдивари стану, а за мой скелет никто и копейки не даст. Хотелось бы, по жизни, что-нибудь поиметь и до того.

— Хорошо, — говорит. — Я подумаю. Может, кто-то из родственников будет проездом через Москву.

И действительно, через некоторое время звонит он мне опять и объявляет, что договорился с коллегой, и что надо мне скрипочку упаковать, да передать в метро в центре зала завтра,

ровно в 12:15. Будет этот коллега невысокого роста, в синих тренировочных брюках в сочетании с поддельно адидасовскими кроссовками, в коричневой куртке с желтыми карманами, в бороде и с лысиной по центру головы. Деньги он мне отдаст наличными.

Это уже кое-что. Собрался я, все приготовил, а на следующий день жду в метро, как договаривались. Двадцать минут жду, час... Два часа прождал — а коллега так и не появился. До чего народ не обязательный! Уж если обещал — надо как-то себя организовать. Впрочем, быть может, это всего лишь мои старорежимные представления. А у каждой эпохи свои нравы, и своя безнравственность.

Был еще и другой случай. Тоже насчет встречи в метро сговаривались, и даже встретились в конце концов. Появился какой-то субъект почти интеллигентной внешности и ошаршил вопросом: «А лупа у Вас есть?» На мое удивленное выражение мне вежливо разъяснили, что надо же клейма посмотреть, проверить места склеек, и что неплохо было бы еще и фонарик, чтобы в эфы посветить. Лупы у меня с собой не оказалось, фонарика тоже, — и товарищ долго ощупывал и рассматривал предмет, после чего начал сильно сомневаться, поскольку один из колков сидел, на его взгляд, слишком свободно. Так он предавался раздумьям около сорока минут, пока я не объявил, что мне это надоело — и либо он берет товар, либо я просто уезжаю восвояси. В конце концов, если он такой знаток, мог бы и свою лупу иметь! На уговоры дать поразмышлять еще полчаса я поддаваться не стал и сел в первый же подошедший поезд. За это меня назвали жуликом и пригрозили самыми суровыми последствиями.

Так ничего хорошего из моей затеи и не произошло.

Как-то раз пошел за хлебом в знакомый магазин, где еще бывает на полках съедобное. Оно, вроде, недалеко — но пока заползешь на гору, пока в очереди постоишь, пока обратно спустишься... Наверно, не меньше часа гулял.

Прихожу — все в доме вверх ногами. Ну, то есть, буквально перевернуто: и стулья, и стол на кухне, и кровать, и даже тумбочка, что была при кровати. Мои денежные запасы в

корзиночке на книжной полке — никого не привлекли. А скрипку украли. Да еще и старую гитару на всякий случай прихватили — хотя ценности в ней совершенно никакой. Вот вам и объявление. Сам подставился, не на кого пенять.

Ну ладно бы взяли — и ушли! Но зачем беспорядок устраивать? Скрипка стояла себе в футлярчике в коридоре, прямо у входа. Чего еще искать? Рояль времен директории в бачке от унитаза? Нет, надо все как есть испортить... Кстати, и сервис старинный разбили. Что за странная ментальность?

Пришлось долго заниматься восстановлением хозяйства. Только раскидался кое-как — очередная напасть. Осадили дом репортеры, телевизионщики камеры намылили, осветители бегают, всюду кабели от их аппаратуры... Оказалось, милиция моих грабителей-то сцапала с поличным, и рапорт наверх пришелся как раз к какому-то профессиональному празднику. Вот и надумали вернуть мне мое добро в торжественной обстановке, а заодно и показать массам наших доблестных правоохранителей с самой общественно-полезной стороны. В общем, отблагодетельствовали они меня по полной — никаких сил не осталось после нескольких дублей трескотни. Только таблеток съесть, да рухнуть на заново установленную кровать, а скрипку под голову вместо подушки.

Утром, когда отошел малость, стало совсем грустно. Ну, думаю, прогремел на всю страну... Теперь жди новых гостей: место, считай, намолено. Что же, каждый раз по крупичам порядок собирать? Не те мои годы, чтобы столы с кроватями ворочать почем зря. Как ни кинь, дома безвылазно сидеть не будешь — да оно, по большому счету, и небезопасно. Тоже, ведь, могут поставить вверх ногами, как мебель. Старому организму лучше без таких приключений обойтись.

А тут как раз встречаю на улице одного знакомого. Мы с ним когда-то вместе физикой увлекались. Но я для этого дела оказался воображением слабоват — и формулы меня плохо слушаются, разбегаются в какие-то странности... Он же до сих пор работает по специальности, в бывшем ящике, — несмотря на постоянные реорганизации и чудеса с зарплатой. Ну, зашли ко мне, посидели, чайку выпили, повспоминали, поговорили про то

да се. С финансированием у них по-прежнему швах, хоть и участвуют, казалось бы, в добром десятке громогласных правительственных программ. Сидим, говорит, как в термостате: ни снаружи никаких вливаний, ни нам свои возможности пристроить не дают, по причине особого режима. Впрочем, недавно прорезались кое-какие послабления. Разрешили-таки коммерческую деятельность на базе специально созданного КБ, вроде офшорной зоны для всяческих режимников. Ну и надумали они деньги добывать на одной перспективной разработке советских времен, позволяющей из любой вещи вырастить драгоценный кристалл. Идея та, что не захочет кто-то из денежных людей расставаться с любимыми собачками или близкими родственниками после их смерти — а тут необычное решение: вправил кристаллик в золото — и носи на пальце, или в интимном месте в качестве пирсинга. Технология еще требует доработки — но желающие воспользоваться однозначно будут. Вот, значит, и пробуют разные необычности, чтобы любая прихоть за соответствующие деньги.

— Слушай, — говорю, — а, например, скрипку переплавить можете?

— Гм... — задумался он. — Нам как-то в голову не приходило. Но кто их, толстосумов, знает? От них и такого можно ожидать.

— А вы, попробуйте. Вон, у меня валяется без дела — можете на ней попрактиковаться.

Так и порешили. Отдал я ему скрипку — в газетку завернул, да в пакет из-под когда-то купленного в местном универмаге пиджака. И объявление насчет продажи снял.

Через пару недель приходит он ко мне с малюсенькой коробочкой, а в ней — крохотный красный кристаллик. Пальцами не взять, только пинцетом.

— Вот, — говорит, — получилось! Ребята поначалу удивились, а потом стало интересно — задача нетривиальная. Народ у нас башковитый, подобрали режим — и пошло. Сама-то углеродная основа бесцветна — а у нее еще и механика деревянная. Окраску дают примеси металлов из лака и струн. Но так оно даже красивей, как мне кажется...

Да, если на свет посмотреть, горит мой Страдивари ярким пламенем. Только время от времени как будто дымкой заволакивает. То ли эффект такой — то ли память на глаза.

Сердце и свинец

А было это вот столько лет назад. И еще пол-столька. И четверть-столечка. Мишка тогда еще по гастролям промышлял, и лишние знакомства ему были не на что. Но от тюрьмы да от сумы... — сами понимаете. Короче, втюрился он в нее по самую маковку. Да и то сказать, она того стоила: личико рисованное, прическа рифифи, пальчики змейками, губки — что тебе ландринковский леденец! То есть не из наших, подзаборников, а самая что ни на есть элитная штучка.

Нет, поначалу-то держался. С его ремеслом без фасона никак. Но работать приходилось как раз там, где кучкуются нашпигованные деньгами отдыхающие. Нет-нет, да и наткнешься на зазнобу. Как она туда прилетела, и кому родня, — не докладывают; да и что зазря голову ломать? Мишку жалко. Совсем парень стал не свой. Пошли всякие глупости. Захотелось лишний раз милые глазки на себя притянуть. Например, проходит мимо, будто случайно, — и делает вид, будто подобрал с земли заколку с бриллиантом: «Мадам, это не Вы обронили? Нет? Ну и ладно, возьмите себе, Вам оно будет к лицу». По счастью, она никогда на люди с такими «найденщинами» не показывалась. А то бы скандалу на миллион. Потом-то Мишка подходил умнее: сбывал барыгам побрякушки — а с деньгами куда вольготнее! Эдак, прикупить в присутствии пассии какую красотулину, да тут же и преподнести, с выражением полнейшего обожания. Какая женщина устоит?

Понемногу дамочка привыкла. От привычки рукой подать до привязанности, от привязанности — до укромных фантазий... А отличить фантазии от любви не всякому мудрецу по породе.

Стали чаще видеться. Не ходить парочкой, конечно, — тут Мишка рылом не вышел, — но можно вместе гулять и через головы предписанных компаньонов. Даже поговорить иногда —

под случай салонной беседы, а то и наедине. Вот, с одной такой оказией, Мишка и расхрабрился, и выложил как на духу, что нет ему в жизни радости кроме как от нее, и готов он по ее велению горы свернуть. Девица, понятно, совсем не удивилась. Уж это она давным-давно в нем вычитала. А применения великим порывам так и не нашлось:

— Да мне, ведь, ничего и не нужно — у меня все есть...

— И что, прямо-таки никаких желаний?

— Никаких. Ну, разве что, какие-нибудь женские капризы.

— Например?

— Вот, иногда хочется, чтобы не было больше прямо под моими окнами, на площади, этого базара. Чтобы не галдел народ с утра до ночи, ни мелькания денег, ни жадных глаз. Пусть будет чисто и красиво, фонтанчики и цветы... Нет, право же, это нелепость! Всегда можно поехать кататься к морю, или в луга. Но иногда поздно вечером возвращаешься мимо запертых лавок да ларьков и думаешь: а вот бы полыхнуло оно! — то-то чудесный фейерверк...

Промолчал Мишка. Вроде бы, за шутку сошло. Но отравы в душе осталась. Долго ли, коротко, а собрались тучи и над его головой. Давно бы ему поменять обстановку. Но ходил по краю ради нее, слишком долго — и подставился. Значит, пора когти рвать. И решил напоследок вычудить...

Как он все устроил — тут надо в науках соображать. Возможно, кого-то нанял, из соображающих. Но представьте картинку: центральная площадь, губернский дворец, роскошные заведения для богатых постояльцев, всякие там арки-колоннады, пальмы в кадках... А посреди площади старинный рынок, где тысячу лет торговый люд улаживал дела, и собирался еще столько же. После дневных трудов стихло, народу — никого, и даже сторожа нет, потому что и так, вроде бы, все у всех на виду. Вечер, луна веселая, звезды по небу горстями... Сплошное благолепие. И тут взмывает ввысь огненный столп — и торговое место съезживается на глазах, превращается в обугленное воспоминание. Да еще так совпало, что большой праздник на носу, и в лавках запасли хлопущек да шутих. Рвануло разом — и пошло плясать по верхам, — мурашки по коже.

Тут и хозяйева начали потихоньку съезжаться на огонек. Ну, вы же знаете этих жадюг: возьмешь у кого пряник — скажут, воз харчей украл! Такой вой развели — до самого высокого начальства донеслось. Разъярились господа — и припомнили Мишке все по пунктам, бумажка к бумажке. Он-то следил за салютом из укрытия, и собирался немедленно линять из города. И все бы хорошо — если бы не помрачение в мозгах от любви. Дай, думает, нарисую хотя бы прощальную записку... Чтобы пришло ей письмо, когда я уже далеко, и выдавило какую ни на есть слезу. Пробрался незаметно до хазы — а там уже ждут: кучер с кнутом, да пара легавых.

Судить решили быстро — но прилюдно, чтобы обозленным купчишкам державное бдение продемонстрировать и возможные беспорядки пресечь на корню. Мест свободных ни одного, а с галерки — чуть не гроздьями. Целый час приставы наводили тишину, распахивали самых ретивых. Когда стало слышно, что на амвоне говорят, приступили к опросу свидетелей. Тут ничего интересного... Как водится, навесили на готовое все подряд, от потери сапог до прошлогоднего краха на бирже. Прошловечернее представление в этой компании скромно притулилось с краешку. И вот, когда пожизненная каторга уже готовилась привечать нового поселенца, чудо свершилось: вошла она. Его любимая. Во всем великолепии, со всеми своими капризами. Будто солнце брызнуло сквозь разрывы туч. Очумелый народ непонятно зачем расступился, пробросил коридор в толпе — как по лучу. Идет она королевой, из одного конца залы в другой, прямоком к мишкиной скамье, подходит, смотрит ему в глаза... И вдруг обвивает нежно рукой вокруг шеи — да целует в губы, крепко и долго. Публика в полном отрубе, глядят как замороженные. Сначала никто и не понял. Он, ведь, вроде, как сидел — так и остался. Только на поручень плотнее налег. Потом выяснилось: в другой руке у нее маленький дамский пистолетик, и засадила она ему пулю под самое сердце. Пока дошло, пока шумели да пихались локтями в бок — ее и след простыл.

Дальше какой суд? Доктор (из блатных) сказал: извлекать сейчас — убить наверняка; а так есть хоть какой-то шанс, что вытянет: один из тысячи. В общем, вытолкали народ из залы, а

Мишку дворами вынесли, на телегу — и к бабке Анисье, куда еще? Она травки знает, да с нечистой силой накоротке.

Наш брат живучий. Долго он валялся без памяти — но в конце концов пошли прояснения. Говорят, приходила она к нему ночами: то ли на самом деле, то ли в бреду. Сидела рядом и молча держала за руку. Через то и вернулся.

Что с ней дальше стало, неведомо. Конечно, дело замяли. Там, наверху, свои ходы. Исчезла из города. Но не из мишкиной судьбы. Под сердцем-то так и осталось. Чуть что — шевелится, крутит в дугу. Так что с прежними делами по-любому пришлось завязать. Дружков нет, капитала по молодости не сколотил. Куда теперь? Принимать-то его побаивались, из-за прошлых заслуг. Поначалу Анисье помогал коренья копать. Потом повадился ходить на берег, ветер заговаривать. Облюбовал укромную бухточку за скалой, по правую руку от первого мола. Построил развалюху из обломков, чего нанесло. Что он там делал — бог весть; но молва шла странная. В конце концов повелось у местных рыбаков перед морем заглянуть к Мишке, занести какую-нибудь полезность, да совета спросить. Он иногда и не скажет ничего — а на душе как-то больше ясности, и добыча шла. Бывало, что отговаривал, — опять же, без лишних слов. Не обижались — потому что погода и в самом деле вставала сердитая; были случаи, когда пренебрегали советом — и до берега не добрались.

В курортном месте всякий курьез в ходу. Превратился Мишка в городскую достопримечательность. Уже не только рыбаки навещали — но и круизные капитаны, и даже, вроде бы, военных там видели... Мишке что? — место не купленное, всяк волен пожаловать. С другой стороны, отвлечься от сердечной раны. Только слишком уж много стало этих отвлечений. В город хоть не выходи. У себя тоже не спрячешься.

Когда померла Анисья, стало совсем неведомо. Раньше-то все лишнее из подарков к ней сносил: она знала, кому нужней. Перенять некому — сплошная неуютность. Кое-кто из горемык сам приходил. Но все реже и реже. Бедноту власти затеяли из береговой полосы выдавливать, — сплошные виллы, да клубы... Дескать, благоустройство.

Ну и, в самую непогодь, бывало, спрятаться подальше от беды... Тоже негде. На порог не пустят, и прошение подать — как? Официально-то его давно уже списали в покойники. Пока не мелькал нигде — вроде бы, все равно. А тут объясняй, кто и откуда...

Об ту пору как раз оно и грянуло. Сколько лет прошло — а такого штормяги старожилы не упомнят. Хмурилось загодя, и братва снасти попрятала; что покрупнее — вывели на рейд. За хлопотами про Мишку совсем забыли, а в самый разгар кто же проведать решится? Берег целиком ушел под воду, пена кругами, деревья с корнями рвет.

Через пару дней успокаиваться начало. Собрали команду расчищать завалы да пострадавших выручать. Один участок за другим, — так и до мишкиной бухточки добрались. А там — пустота. Смыло хибару, со всеми причиндалами, — будто и не было ничего: галечник да водоросли. И выручать уже некого. Никто с тех пор Мишку не видел. Море-то, оно не жадное: тела обычно отдает, даже если не сразу. Но тут — никаких следов, сколько ни ждали. Со свинцом в сердце — какая плавучесть? И только, сказывают, нашли на месте хижины маленький дамский пистолетик...

Закон

Телефон. Как всегда, в самый неподходящий момент. Куда я засунул этот чертов мобильник? Ах да, он же на зарядке, в сортире. Звонит не переставая. Кому опять приспичило? Вот он. Это Джейн.

— Да, слушаю.

— Привет! Ты не мог бы приехать?

— Извини, не сейчас. У меня срочная работа. Я перезвоню.

Ох уж эти женские страхи. В прошлый раз ей почудилось, что в доме кто-то есть — и она два часа провела на улице, боялась зайти до моего приезда. Конечно, никого там не оказалось, и следов никаких. У нее всегда играли нервы. А работа действительно срочная. И на потом перенести никак. От этого зависит наше будущее. Что поделаешь, в этом мире приходится добывать деньги. Много работы — это еще ничего; хуже, когда ее нет — и жить не на что. Но у Джейн свои правила. Ей нравится гулять в саду, среди роз, — ездить к морю, слушать голоса волн и смотреть на звезды. Тишина, и вокруг никого... Мне тоже нравится. Особенно с ней. Но розы и море требуют денег. И приходится их зарабатывать. Когда-то у нее тоже была работа — но грянул очередной кризис, и никто никому не нужен. Даже на еду не хватало — а тут еще взносы за жилье... Каким-то чудом сумел пристроиться в *Laser Inc.* — простым программером. Из института, конечно, пришлось уйти. Какая уж тут наука! Гранты порезали, студенты разбрелись по подработкам... Перебивались всякой мелочью. А Джейн переживала. Она-то выходила за будущего ученого, считала, что это единственно достойное занятие. Тогда и я задумывался о тайнах природы, мечтал о невероятных открытиях... В действительности наука обернулась рутинной, однообразием служебных обязанностей. В жестких рамках академических традиций для творчества места почти не

оставалось. И опять же — деньги. Подготовить очередной отчет, пустить пыль в глаза... В самый раз для молодого специалиста. Извольте оправдывать, чтобы остаться на плаву.

Здесь, в лазерке, не так уж плохо. По большому счету, даже какое-то отношение к науке. Хотя бы и с технологическим уклоном. Задачи нетривиальные, хорошее оборудование — и платят прилично. Прямые контакты с военным ведомством — великое дело. Известно, для чего спутники нужны. Впрочем, оно и для бизнеса лакомый кусок. Особенно когда пошли проекты с геолокацией. Точными картами многие интересуются. Так что есть у нас теперь свой дом, хватает и на хозяйство, и на развлечения. Но Джейн мало — ей хочется, чтобы я был всегда рядом, а не пропадал целыми днями бог знает где. Придумывает себе страшилки: что будто бы подвернется какая-нибудь эффектная, деловая, — на фоне простой домохозяйки. Глупышка! Никого мне кроме нее не надо. Кто с ней сравнится? Красавица, возвышенная натура, настоящая женщина. А уж как готовит! — при одной мысли слюнки текут. Вся эта работа — только ради нее, чтобы не свалиться опять в нищету, чтобы остались с ней звезды, море и розы. Наверно, я не умею это как следует показать. Сухарь и педант. Ну и устаю, бывает.

Так... Кажется, досчитала. Еще чуток — и пойдет визуализация. Должно же оно в конце концов получиться. Самое поганое в нашем деле — это ожидание. Машину не поторопишь: пока не перелопатит бешеные терабайты — сиди и жди. Когда процесс запущен — ни вмешаться, ни оборвать. И особо не отлучиться — мало ли какие затыки? Программы не работают сами по себе, их надо пихать время от времени. Иначе компьютерщики были бы не нужны.

Когда предложили войти в проект — ухватился зубами. Такой шанс! А у меня еще по науке были наработки в тему. Если выгорит — обеспечен на всю оставшуюся жизнь. Спутниковая фотография не новость, все уже привыкли. Но чтобы вот так, с разрешением в доли миллиметра, с прорисовкой мельчайших деталей... Обычная оптика тут не подойдет. Лазерное сканирование с компьютерным восстановлением волновых фронтов — самое оно. И от погоды не так зависит. Можно

разглядывать Землю из космоса даже сквозь облака. В перспективе — хоть с Марса. Еще одна фантазия Джейн: а что как инопланетяне все время за нами следят? — им вовсе не обязательно для этого на Землю прилетать, они умеют дотянуться и от своих светил... Впрочем, как выяснилось, не такая уж фантазия — и деньги военные дали без разговоров. Вот и занимаюсь, обрабатываю сигнал...

Разработка и в самом деле жутко практичная. Ладно — шпионские штучки и управление огнем. Но, например, для служб безопасности — камеры видеонаблюдения и рядом не стояли. Отслеживание грузов, борьба с пиратством, контроль полетов... Мало ли что. Да, конечно, удовольствие не из дешевых. Но это сейчас без суперкомпьютера не обойтись. А потом впихнут вычислительные мощности в малюсенькую коробочку — и будем получать со спутников готовые картинки, и станет привычно, как телефон...

Кстати, что-то она больше не звонит... Обещал набрать — опять заработался. Ладно, осталось всего ничего. Закончу — и сразу домой.

Вот, уже и смотреть можно. Сначала общие планы. Интересно... Нет, так не бывает! Просто суперудача. Похоже, попали на какое-то происшествие — газетчики, как коршуны, налетят. Реклама. Вон, скорая на заднем плане. Номерные знаки легко читаются. Полиция возится с оцеплением. Добавить увеличение — и вот вам, бляхи во всей красе. Ну-ка, на этого, с блокнотом... Маэстро, дайте фокус! Он и не догадывается, что его записи кто-то читает через плечо... Все в лучшем виде. Большого и ожидать нельзя. Остается заслать начальству маленький отчетик с большими иллюстрациями — и можно грести лопатой заслуженную славу. Включая долларовый эквивалент. Так, еще пару комментариев — и отправляем... Все. Пора отключаться. Хороший отдых и вкусный ужин я сегодня заслужил.

Кстати, кого там уносят на носилках? Мы теперь с глазами, а распознавать лица нам — запросто!

Боже... За что? Нельзя же так.

Телефон. Как всегда, в самый неподходящий момент.

— Да, слушаю.

— Здравствуйте. Ваша жена только что умерла. Она Вам звонила по дороге. Но спасти не удалось. Приезжайте, если сможете.

— Да-да, я сейчас. Где? Постараюсь как можно скорей. Впрочем, какая теперь разница!

2012

СОДЕРЖАНИЕ

Идея	3
Пик	7
Толстый и Тонкий	8
Испытание	9
Вредная проза	16
Маздай	23
Кольцо	30
Конфеты и фантики	34
Страсти по Страдивари	37
Сердце и свинец	47
Закон	52